

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАРАЧАЕВЦЕВ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Р.М. Бегеулов

Религиозный (исламский) фактор в политической, социальной, экономической жизни северокавказского региона на современном этапе играет существенную роль. Он же оказывает существенное воздействие на систему региональной безопасности и стабильности. Кроме того, как представляется, значимость религиозной идентичности у мусульманских народов России в силу современных интеграционных и глобализационных процессов, с учетом активности исламского мира будет и в дальнейшем возрастать. В этой связи научные исследования, касающегося данного вопроса, представляются востребованными и актуальными.

У карачаевцев, одного из кавказских этносов, религиозная (исламская) идентичность на протяжении последних столетий была довольно четко выражена. Осознание себя как «мусульманского народа» в их среде было ярко представлено как до революции, так и в советское время.

Интересно, что мусульманских «пережитков» в то время придерживались даже некоторые члены коммунистической партии. Так, согласно документам местного архива в 1928 г. партийная коллегия областной Контрольной комиссии ВКПб рассматривала дела об исключении из партии ряда лиц, в вину которым вменялось выполнение обязанностей муэдзина, несение религиозных обрядов и пр. [21, л. 1, 5, 27] Один из карачаевских коммунистов, согласно поступившей информации, вообще заявлял, что «партия всем своим членам разрешает молиться» [21, л. 5]. Ситуация, конечно, в дальнейшем несколько менялась, но даже в 1980-е гг. партийные органы вынуждены были с негодованием констатировать, что в отдельных районах Карачаево-Черкесии (КЧР) «похороны умерших в большинстве случаев держат в своих руках эфенди», а половина всех бракосочетаний совершалась «по религиозной обрядности» [11, с. 152].

Таким образом, советским властям, несмотря на активную политику в антирелигиозном вопросе, не удалось ни «искоренить» ислам, ни даже преломить ситуацию с мусульманской религиозной обрядностью. Естественно, что в условиях либерализации политического строя в СССР при М.С. Горбачеве и в последующие постсоветские годы возникли условия для возрождения религиозной жизни на качественно новом уровне.

В постсоветский период практически во всех горских селениях КЧР (в том числе карачаевских) появились мечети, в республике существует исламская пресса, браки и похороны в своих обрядовых моментах неразрывно связаны с духовенством.

В то же время, характерная черта конфессиональной ситуации у карачаевцев в постсоветский период – обилие нетрадиционных для них религиозных групп, течений.

На рубеже 1980-1990-х гг. в карачаевской среде появились последователи кришнаизма. Более того, некоторые местные кришнаитские общины возглавляли карачаевцы (например, в г. Черкесске).

Среди карачаевцев распространялась протестантская литература (Евангелие, выдержки из Ветхого Завета и др.) на родном языке. Перевод этих трудов был осуществлен балкарцем Ибрагимом Гелястановым. А изданы они были Институтом перевода Библии в Стокгольме [4]. Эти усилия не пропали даром. Несколько десятков человек, выходцев из «этнически мусульманской» карачаевской среды, являются на сегодняшний день последователями различных евангелистских групп, действующих на территории Карачаево-Черкесской республики [18, с. 36-39].

В 1990-е гг. активную миссионерскую деятельность в карачаевской этнической среде вели «Свидетели Иеговы», бесплатно распространявшие здесь свои журналы, а также видеопродукцию.

В 2000-е гг. некоторую популярность у карачаевцев приобрели приверженцы поклонения «испускающим энергию» дольменным сооружениям в Кяфаре (Зеленчукский район КЧР), якобы принадлежавшим исчезнувшей цивилизации неких «аронов». Карачаевец М. Кубанов издал про этот мифический народ специальную работу [13]. Адепты этой секты утверждают, что арона – одно из племен атлантов, первые представители которых были ростом до 6 метров, а средняя продолжительность их жизни – 1,5 тыс. лет.

Впрочем, данные явления не приняли массового характера. Случаи прозелитизма были единичны, хотя и вызвали в среде местного мусульманского духовенства и части общества крайне негативную реакцию.

Гораздо более массовые и серьезные процессы в постсоветское время стали происходить в самой мусульманской среде. В начале 1990-х гг. в карачаевской этнической среде появились сторонники фундаменталистского течения в исламе. Местных приверженцев этого движения возглавил молодой проповедник Мухаммад Биджиев (Биджи улу). Он призывал к «возрождению традиций первых мусульман», не отягощенных «нововведениями» последующих веков, активно распространял издававшуюся в Москве газету «Ислам нюрю», учредил в КЧР отделение фундаменталистской Исламской партии возрождения (ИПВ). Его партийное отделение получало финансовую поддержку из стран Арабского Востока [17]. Она направлялась на строительство мечетей и медресе [5]. М. Биджиев провел свой мусульманский съезд, на котором был провозглашен раис-имамом, возглавляющим новый «духовный центр – имамат Карачая» [10].

В целом, ИПВ относилась к умеренному направлению приверженцев идеи религиозного возрождения. Однако благодаря СМИ, которые зачастую не различают фундаментализм и радикализм, одновременно отождествляя первый с экстремизмом [15], на структуры М. Биджиева началось давление со стороны правоохранительных органов.

В то же время такое отождествление было чрезвычайно выгодно местному традиционному духовенству, оформленному в структуру Духовного управления мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополя (ДУМКЧИС).

Традиционное духовенство открыто конкурировало и конфликтовало с «Имаматом Карачая». Против данной структуры выступали и региональные власти, напуганные активным участием М. Биджиева в политической жизни КЧР. В итоге, совместными усилиями ДУМКЧиС и республиканских властей публичную деятельность карачаевских фундаменталистов удалось пресечь. В последующем часть из них во главе с М. Биджиевым стала придерживаться умеренных взглядов, а другая – перешла на экстремистские позиции [20, с. 205-207], в основной своей массе перебравшись в практически не контролировавшуюся федеральными властями в то время Чеченскую республику.

Пытаясь как-то воздействовать на развитие ситуации и полагая, что основная опасность для мусульманской общины возникает из-за религиозного невежества, в 1993 году официальное духовенство учредило Исламский институт имени имама Абу-Ханифы, который возглавил Исмаил-хаджи Бостанов [7].

«Мода на религию» к концу 1990-х гг. у карачаевцев в некоторой степени ослабла, что было во многом связано, с одной стороны, с распространением экстремистских идей, а с другой – с жесткими действиями властей в отношении экстремистов. Известно, что «чем слабее государство и его механизмы, тем важнее роль религиозных институтов и тем сильнее звучит призыв религиозных идеологий, обычно фундаменталистской или теократической природы» [16, с. 165].

Карачаевские бизнесмены, некогда рекламировавшие себя как благотворители, в значительной степени сократили финансирование строительства мечетей. Например, городская мечеть в Усть-Джегуте, которая начала строиться в 1993 г. [1], была более или менее завершена только в 2016 г., то есть более двух десятилетий спустя.

Бурная «исламизация» 1990-х гг. (носившая, правда, чисто внешний характер) сменилась проявлениями «исламофобии», в том числе в карачаевской среде. Особенную неприязнь у значительной части «традиционных мусульман» стали вызывать молодые люди, отпуская бороды, и распространившаяся арабо-мусульманская («ваххабитская») мода в одежде. Наверное, наибольший поток критики при этом достался и достается хиджабу. Большой резонанс получил случай в одном из частных вузов, когда студентке угрожали исключением, если она не снимет «ваххабитский» платок [3].

В то же время прослеживались процессы деградации традиционного духовенства. Прежде всего, определенное воздействие на развитие ситуации оказывали проявившиеся нежелание и неготовность значительной части представителей традиционного духовенства конкурировать с молодежью на религиозном поприще. В ответ на подчас справедливую критику молодых верующих, выступавших против разорительных и имеющих весьма сомнительное отношение к исламу обычаев, осуждавших «банальную уголовщину» и «коммерциализацию религии» в деятельности высокопоставленных священнослужителей [2], со стороны ДУМКЧиС и

пожилых мусульман-активистов было немало попыток устранить конкурентов путем обвинений в «ваххабизме» и «натравливания» силовых структур [9].

На этом фоне неудивительно, что ДУМКЧиС во главе с муфтием имеет невысокий уровень авторитета и влияния среди населения. К тому же духовному управлению не удалось сохранить свое организационное единство своей. Весной 2010 г. о выходе из ДУМКЧиС заявили мусульманские общины Ставропольского края, которые образовали собственное духовное управление во главе с бывшим раис-имамом мусульман Усть-Джегутинского района КЧР [6].

В связи с вышесказанным, распространенные утверждения о том, что «каких-либо глубинных разногласий у духовных лидеров» внутри карачаевской общины мусульман «не существует» [14, с. 101], как представляется, не вполне отражают реальное положение дел в республике. Равно как и весьма популярное мнение о том, что в основе роста радикальных и экстремистских проявлений лежит социально-экономическая неустроенность. Последняя, конечно, играет свою роль, но не более чем другие факторы общественно-политического свойства. Как отмечают исследователи, «существующее общество дискредитирует себя. Наблюдается общая моральная деградация, тотальная коррупция. В обыденном сознании может складываться представление о том, что выходом может стать построение другого, альтернативного, «справедливого» общества на основе шариата... Совершенно очевидно, что мы имеем дело с социальным протестом, который находит выражение в радикальной религиозной идеологии. Иные формы выражения протеста, присущие гражданскому обществу, у нас фактически атрофированы: нет эффективно действующих общественных движений, дискредитировала себя избирательная система, у граждан нет эффективного способа борьбы за свои права и они, не имея возможности изменить общество, отворачиваются от него» [19].

Представляется, что мусульманское духовенство не только КЧР, но и других северокавказских республик, не вполне осознаёт подлинные опасности для паствы, более того – в известной мере дезориентировано. Об этом, в частности, свидетельствуют высказывания заместителя муфтия мусульман Карачаево-Черкесии Иналь-хаджи Хубиева, опубликованные в местной религиозной прессе. «Мы больше верим телевизору», - писал Хубиев, - «он наш наставник, учитель, мать и отец, для многих уже «бог»... Поэтому мы ругаем за оставленную ради Аллаха бороду сына, за одетый ради Аллаха хиджаб свою дочь, поэтому мы считаем, что «лучше пусть будет пьяницей или наркоманом или блудницей наше дитя, но зато оно не будет «ваххабитом», и его не арестуют и он будет жив». Это не мои слова, это слова, которые я многократно слышал и слышу и от пастуха, и от доярки, от деятеля искусств, от чиновников разного ранга, от умных просвещенных, продвинутых людей, педагогов, врачей и артистов и т.д. Вот в чем наша катастрофа» [8].

Как представляется, один из руководителей духовного управления не совсем точно обозначил суть проблемы. Она заключается не только и не столько во вредоносном воздействии телевидения, хотя никто не отрицает роль

масс-медиа в формировании общественного, в т.ч. конфессионального и этнического сознания. В принципе, сам Иналь-хаджи, не замечая этого, указал на реальную причину того, почему родители не хотят, чтобы сыновья носили бороды, а дочери – хиджабы. Главная причина в том, что за такие внешние маркеры молодые люди могут быть причислены к «ваххабитам», арестованы и даже убиты. Примеров того, как сотрудники правоохранительных органов вылавливали «ваххабитов» именно по внешним признакам немало. Поэтому родители, наверное, в чем-то и правы, надеясь, что если их дети внешне будут выглядеть как все, то их не арестуют и они будут живы. Это естественная родительская реакция на произвол со стороны властей, а не наивное доверие телевидению.

Ошибочные установки священнослужителей (заявление вице-муфтия – лишь один из примеров) порождают ошибки в их стратегии и тактике. Вместо того, чтобы разъяснять населению вредность религиозного радикализма, противодействовать милицейскому произволу, занимать активную гражданскую позицию муллы пытаются свалить все беды «на тлетворное влияние СМИ». Конечно, это легче повседневного подвижнического труда, легче бескомпромиссного выражения своей гражданской позиции и, уж тем более, правозащитной деятельности.

Сравнительно пассивная позиция священнослужителей, с одной стороны, и организационная, материально-финансовая слабость муфтията КЧР неуклонно ослабляют влияние традиционного духовенства. Данное обстоятельство, в свою очередь, создаёт условия для активизации более динамичных, целеустремленных, лучше организованных сил, которые могут вовсе не носить созидательную направленность.

В то же время следует отметить, что в КЧР в целом и среди карачаевского населения в частности, пока удалось избежать «атомизации» мусульманских общин и жесткого противостояния между ними. Определенные подвижки наблюдаются и в деятельности местного духовного управления мусульман. Медленная, но необходимая модернизация его деятельности и так называемого «традиционного ислама» все же прослеживается. К тому же среди карачаевцев не обрели популярности радикальные течения, в том числе политический ислам (исламизм). Определенное объяснение этому можно найти в исторических традициях и отсутствии опыта массовых проявлений радикализма как в прошлом, так и в современной ситуации, когда на долю северокавказского населения выпало немало потрясений. Впрочем, Карачаево-Черкесии удалось избежать массовых проявлений экстремизма и терроризма. За весь постсоветский период здесь не произошло ни одного крупного террористического акта. Остается надеяться, что отторжение радикалов от своей этнической среды получит у карачаевцев дальнейшее развитие.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *120 миллионов на мечеть* // Карачаево-балкарский мир. – 1993. – № 2. – Июль.
2. *Батчаев К.* Когда воровство во благо // Вести гор. – 2007. – 23 января.
3. *Бацаева М.* «Гюльчатай, открой личико» // Вести гор. – 2007. – 29 мая.

4. Библия на родном языке // Карачаево-балкарский мир. – 1995. – № 4(13).
5. Биджи улу М. Ислам партия тюзлюк ючюн кюрешеди // Къарачай. – 1992. – 25 апреля.
6. В Ставропольском крае образовано самостоятельное Духовное управление мусульман (30 апреля 2010) // Интернет-СМИ «Кавказский узел»: сайт. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/168654/> (дата обращения: 04.03.2017).
7. Вчера. Сегодня. Завтра // Карачаево-балкарский мир. – 1993. – № 3. – Октябрь.
8. Где терпимость, терпеливость и мудрое слово? // Мусульманин. – 2010. – № 1(29).
9. Ибрагимов Б. Облава в Хабезе // Вести гор. – 2007. – 29 мая.
10. Ислам нюрю. – 1992. – № 5.
11. Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943-1957). Материалы и документы / Составители И.М. Шаманов, З.Б. Караева, А.-М.Ч. Алиев и др. – Черкесск: ПУЛ, 1993. – 176 с.
12. Кипкеева Ф.М. Возрождение ислама в Карачаево-Черкесии // Ислам этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире / Составитель С.М. Червонная / под ред. М.Н. Губогло. – М.: ЦИМО ИЭА, 1998. – 449 с.
13. Кубанов М.Л. Город Солнца. Цивилизация дольменной эпохи. Народ «Ароны». – Черкесск: Полиграфист, 2004. – 52 с.
14. Лайпанов Б. Ислам в истории и самосознании карачаевского народа // Ислам этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире / Составитель С.М. Червонная; под ред. М.Н. Губогло. – М.: ЦИМО ИЭА, 1998. – 449 с.
15. Малашенко А. Мусульманство в России // Независимая газета. – 1992. – 8 мая.
16. Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025 год: меняющийся мир. Доклад национального разведывательного совета США. – М.: Европа, 2009. – 188 с.
17. Проваторов Н. Цель или средство? (По вопросу одного выступления на третьем съезде мусульман) // День республики. – 1992. – 19 февраля.
18. Стаховска Д.А. Межконфессиональные отношения христианских неопитов КЧР с обществом // Вестник гуманитарного научного образования. Электронный научный журнал. 2015. Вып. 4(49). Июль-август. С. 36-39. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25766606_64773385.pdf (дата обращения: 03.02.2016).
19. Такушинов Ш.Н. Исследование причин религиозного экстремизма в молодежной среде в Карачаево-Черкесской Республике // Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. Комплексный подход к формированию и функционированию системы противодействия распространению идеологии терроризма: материалы III Всероссийской науч.-практ. конф. М., 2012. Т. 2. С. 138. / Электронная библиотека – www.konf.x-pdf.ru. / URL: <http://konf.x-pdf.ru/19raznoe/171791-1-materiali-iii-y-vserossiyskoy-nauchno-prakticheskoy-konferencii-tom-2-koncepciya-protivodeystviya-terrorizmu-rossiyskoy.php> (дата обращения: 24.04.2017).
20. Ханбабаев К.М., Ханбабаев Э.К. Религиозно-политический экстремизм в ЮФО // Ислам и политика на Северном Кавказе: история и современность. Материалы всероссийской научной конференции / Отв. ред. Б.Н. Тамбиев. – Карачаевск: КЧГУ, 2007. – С. 197-207.
21. Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской республики (ЦДОДП КЧР). – Ф. П-45. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 1, 5, 27.

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-103-109

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАРАЧАЕВЦЕВ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Р.М. БЕГЕУЛОВ

*Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева
369202, КЧР, г. Карачаевск, ул. Ленина 29
E-mail: r_begeul@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с состоянием и эволюцией религиозной идентичности карачаевского этноса в постсоветское время. Отмечается, что она издавна занимала важное место в ряду маркеров самоидентификации данного народа. Основное внимание уделено модернизационным и трансформационным процессам в сфере исламской религиозной идентичности. Рассмотрены различные аспекты исламского возрождения в 1990-е гг., его особенности, а также дальнейшая эволюция этого процесса в новом столетии. В центре внимания статьи находятся проблемы взаимодействия традиционного мусульманского духовенства и представителей «новых» исламских общин, реакция различных слоев общества, властей республики на процессы, происходившие в конфессиональной сфере в описываемый период. Определенное внимание также уделено вопросам необходимости и возможности модернизации системы так называемого «традиционного ислама».

Ключевые слова: Карачаевцы; религиозная идентичность; конфессиональная ситуация; ислам; мусульманское духовенство.

RELIGIOUS IDENTITY OF KARACHAYS IN THE POST-SOVIET PERIOD: TENDENCIES AND PROBLEMS

R.M. BEGEULOV

*Karachay-Circassian State University named after U.D. Aliev
369202, KCHR, Karachaevsk, Lenin street, 29
E-mail: r_begeul@mail.ru*

Abstract. The article discusses issues related to the status and evolution of religious identity of the Karachay ethnic group in the post-Soviet era. It is noted that it has long held an important place among the numerous markers of self-identification of the people. The focus is on modernization and transformation processes in the field of Islamic religious identity. Various aspects of Islamic revival in the 1990s, its characteristics and further evolution of this process in the new century are discussed. The focus of the article is on the problem of the interaction of the traditional Muslim clergy and representatives of the «new» Islamic communities, the reaction of various segments of society and the authorities of the Republic on the processes happening in the confessional sphere during the studied period. Some attention is also paid to the issues of the necessity and possibility of modernization of the system of the so-called «traditional Islam».

Key words: Karachay; religious identity; confessional situation; Islam; Muslim clergy.